

«ОН — РАЗНЫЙ. ОН — ВСЯКИЙ»

Есть и еще одна ипостась, где он не менее талантлив, — режиссура: первый спектакль — в начале 30-х годов — оффенбаховская «Перикола» на сцене Тбилисского театра оперы и балета, последний — оффенбаховская «Прекрасная Елена» (возобновление) в своем родном театре — Театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. А в промежутке, равному пяти с половиной десятилетиям, — множество постановок на разных сценах, в разных городах, в большинстве — опереточных, меньше — оперных. Только в должности художественного руководителя и режиссера Московского театра оперетты, за десять лет пребывания на этом посту, Владимир Аркадьевич Канделаки осуществил постановки двенадцати спектаклей классической и советской оперетты, он привлек в театр таких крупных композиторов, как Шостакович, Кабалевский, Хренников. Не все его работы завершались успехом — случались просчеты, ошибки, были неудачи, и спектакль быстро сходил со сцены. Но даже в таких работах талант мастера, умение покорить публику смешным, трогательным, занимательным драматическим действием сказывались обязательно. И, несомненно, актерская «виртуозность» передавалась участникам представления, заражала их.

Мне доводилось несколько раз бывать на репетициях Владимира Аркадьевича в Театре оперетты, когда он готовил очередную премьеру. Он, режиссер, в полном смысле слова проигрывал все роли, изображал всех действующих лиц. Да как проигрывал — с какой азартностью, увлеченностью, давая наглядный урок искусства перевоплощения! Что говорить, для подобных показов, подобных уроков надо не только обладать высоким актерским искусством, надо еще истово любить театр.

А в жизни... Каждый, кто сталкивался с этим человеком, хорошо знает его скромность, деликатность. При остром юморе, любви к шутке, даже «к розыгрышу» — доброта, сердечность. Он не злобив, даже когда терпит горькие обиды. Был в начале моей журналистской практики случай, когда я в одной из рецензий больно задел его, певца, критикой, как сейчас понимаю, резкой и недостаточно справедливой. Признаться, я ожидала тогда, что последуют протесты, претензии, укоры. Но каково же было удивление, когда я, никому не известный автор, получила присланное домой письмо от уважаемого, широко известного, со званиями и регалиями деятеля искусства! В деликатнейших, ласковых словах, дабы не обидеть меня, Канделаки пояснил, каков был его замысел, что, возможно, он не сумел раскрыть, а что я не поняла, не разглядела. Это было полной неожиданностью, запомнилось навсегда. В самом деле, кто из нас, из критиков, не испытал на себе амбициозности людей творческого труда: бывают обиды не только за то, что сделал замечание, «пожурил». Иногда высказываются претензии, что не на том месте поставил его именитое имя, не так похвалил, не столько, сколько хотелось бы ему, известному деятелю, употребил положительных слов... Так что позволю себе еще раз повторить: уникальная личность!

— Я счастливый человек! — говорит о себе Владимир Аркадьевич. — Я рано нашел любимое дело, свое призвание. У меня были прекрасные учителя. Я нашел театр, о котором мечтал и которому никогда не изменял. Мое самое сокровенное желание? Пусть каждый день начинается с того, что я спешу в театр, где меня ждут, где я нужен.

М. ЛЕОНИДОВА.

Во многих областях творчества Владимир Аркадьевич Канделаки — личность уникальная. Что самое главное в его жизни? Что выбрать из массы дел, которым он посвятил безраздельно из 80 лет — 60, каждый день, каждый час, с утра до полуночи? И сейчас — столь же неугомонен, активен.

Судьба неординарная: попасть молодым, в 21 год, «в руки» великого учителя — Владимира Ивановича Немировича-Данченко, — кому еще такое выпадало!

— Репетиции Немировича-Данченко стали для меня отличной школой, — говорит Владимир Аркадьевич. — Здесь заложен был фундамент всей моей дальнейшей творческой деятельности, здесь — основа основ успехов, которые выпали на мою долю. Я учился не только актерской профессии: это были уроки этики, морали, истового отношения к театру.

Да, уникальная актерская судьба! Однако вовсе не количеством лет, проведенных В. Канделаки на сцене, она определяется. Не богатством названий спектаклей и обилием ролей, а поражающим многообразием, многоплановостью творческих исканий. К разным сферам музыкально-сценического искусства обращается он. Такого не вспомнишь в театральной практике, чтобы один и тот же исполнитель выступал, к примеру, в главной партии оперы Верди «Сицилийская вечерня», где требуется

огромный накал чувств и владение оперным мастерством во всем его богатстве, и в чисто гротесковой роли адмирала Дугласа («Донья Жуанита» Зуппе). Здесь веселая фантазия Владимира Аркадьевича, кажется, не знает предела — походка, жесты, мимика делают образ уморительно нелепым. Образов-антиподов — не по характеру персонажей, а по амплу, по жанру — у Канделаки множество.

Особенности исполнительского почерка этого артиста очень ярко описал Борис Александрович Покровский: «Он не актер на одну роль, на одно амплу или даже на один вид искусства. Он в кино, он на эстраде, драматической сцене, опере, оперетте. Он «социальный герой» и «опереточный комик», «мелодраматический злодей» и «благородный отец». Он — разный, он — всякий».

— Каждая новая роль для меня — это человеческий характер, который я должен постичь во всей глубине и прожить жизнь этого человека на репетициях, на спектаклях, — поясняет Владимир Аркадьевич. — Я никогда не представлял себе работу над ролью только как разучивание вокальной строчки. Всегда разбирал каждую сцену, в которой занят мой герой, пластику движений, мимику. «Вживался» в костюм, подбирал характерный грим. Тому учил и учу своих молодых коллег и студентов ГИТИСа, где я преподаю.